

МЕТОДОЛОГИЯ

И.Н. ИОНОВ

Историческая глобалистика: предмет и метод*

Современная глобалистика формируется в течение двух последних десятилетий. По своим истокам это направление исследований связано с идеями холизма и представлением о едином взаимосвязанном мире, являющем собой "неразрывное целое". Предмет изучения при этом - единство Земли (биогеоценозов), человечества и общества. Однако глобалисты подчеркивают, что представление о мире как целом формируется при посредстве разнообразных культурных призм, создающих множество разных изображений, в которых воплощено разнообразие мировых культур [Чешков, 1998^{аб}]. Этот подход актуализирует значение исторического аспекта глобалистики или, как его чаще называют историки, глобальной истории. В ней наиболее ярко проявляется дивергентная, дифференцирующая составляющая теории глобализации, роль которой часто затушевывается ее интегрирующим и конвергентным пафосом.

В рамках исторической глобалистики можно выделить три основных направления, в разной мере затронутых методологическими спорами, но активно влияющих на состояние этой научной дисциплины. *Первое* из них - это теория современного эволюционизма, тесно связанная с идеями антропологии, экологии и синергетики, основателем которой стал эмигрировавший в США австрийский философ Э. Янч. *Второе* - современная миросистемная теория, созданная Ф. Броделем и И. Валлерстейном, геоэкономические основания которой сейчас активно взаимодействуют с геокультурными (цивилизационными) подходами. *Третье* из направлений глобальной истории (в настоящее время выделяющееся из второго) - это история мировых держав как узлов глобальной системы политических отношений. О самостоятельности этого подхода свидетельствует наличие классического труда П. Кеннеди и активное развитие исторических проекций геополитических идей.

1

Глобальная история начала выделяться из всеобщей в 60-70-х годах XX века в условиях характерного для неклассической науки недоверия к обобщающим схемам, "большим нарративам", перехода от структурализма к постструктурализму. Тогда

* Работа поддержана грантом Российского гуманитарного научного фонда № 01-03-00332А.

в работах М. Фуко и Х. Уайта различия этапов эволюции научного знания и историко-философских построений Пыли сведены к формам употребления языка (дискурсивным практикам и литературным жанрам). В результате большие историко-философские схемы как формы раскрытия логической ипостаси исторической истины были дискредитированы, возобладали ироническое отношение к ним, пропагандировавшееся Уайтом как единственно современное. К историографии началось наступление микро-истории и истории повседневности.

Однако параллельно идеи структурализма и теории систем породили в естественных науках исследования о самоорганизации сложных неравновесных систем. Вслед за вниманием ученых к структуре, адаптации и динамическому равновесию, отрицательной обратной связи, возник интерес к положительной обратной связи, роли дестабилизации и хаоса в развитии новых форм биологических, а затем и социальных систем. Прорыв на этом направлении произошел практически одновременно с появлением постструктурализма. В 1967 году бельгийский ученый И. Пригожин разработал теорию диссипативных структур и выдвинул принцип "порядок через флуктуацию", породивший новые представления о самообновлении систем. Под влиянием идей синергетики И. Пригожина и Г. Хакена получил развитие новый эволюционизм, акцентировавший внимание не только на стабильности и преемственности в существовании и изменении разного рода систем (в том числе социальных), но и на моментах дискретности и непредсказуемости их эволюции [Хакен, 1980]. Так вне исторической науки основные идеи постструктурализма оказались интегрированы в "большую теорию" эволюционизма.

Основанием исследований глобальной истории в этих условиях стали идеи коммуникации, симбиоза и коэволюции. Произошел переход от дуалистического противопоставления общества и "окружающей среды" к идее исторического взаимодействия элементов геобиосоционооценоза (системы, включающей географические, биологические, социальные и интеллектуальные структуры). При этом философы, в частности Э. Янч, акцентировали внимание на процессах "автопоэзиса", т.е. самопорождения сложных социальных и интеллектуальных структур из более простых: в главе IV его книги "Самоорганизующаяся Вселенная. Научные и гуманитарные формы применения новой парадигмы эволюции" [Jantsch, 1980, Янч, 1999] речь идет о росте и эволюции городов, развитии научных парадигм, систем ценностей, мировоззрений и религий. Историки же разрабатывали идеи коэволюции мира микроорганизмов и мира людей, демографического и социального развития, а также власти (см., напр., знаменитую статью "Застывшая история" Э. Ле Руа Ладюри [Ле Руа Ладюри, 1993]).

Надо отметить, что новые подходы, введенные в глобальную историю Янчем, далеко не сразу стали господствующими. До сих пор остаются актуальными попытки разработки глобальных историко-философских схем в духе И. Гердера или П. Тейяра де Шардена на основе принципов классического эволюционизма и редукционизма, соединения достижений естественных и социальных наук. Пример — труд голландского биохимика, антрополога и специалиста по исторической социологии Ф. Спира "Структура Большой истории. От Большого взрыва до современности" [Spier, 1996; Спир, 1999], где история Вселенной, биосферы и человечества сведена к смене "режимов" т.е. разнородных устойчивых состояний. (Характерно, что этот автор в предшествующие годы работал над книгой, посвященной микроисторическому анализу влияния политического и религиозного режимов в Перу на жизнь андской деревни.)

Вместе с тем появляются работы, такие, например, как книга экономиста Г.Д. Снукса "Динамическое общество. Исследуя истоки глобальных изменений" [Snooks, 1996], в которых экологические и эволюционные кризисы, процессы самоорганизации ставятся в центр исследования. Для автора наибольший интерес представляют внутренние причины разнообразных кризисов, заставляющих общество развиваться. Внешние кризисы, по его мнению, вторичны. Так, колониальная экспансия порождается эндогенным перенаселением в метрополию и ведет к обострению внешнеполитических противоречий в условиях международного мира. При этом Снукс дистан-

цируется от экономического детерминизма и противопоставляет "экономическому человеку" как архаическому типу, зависимому от природы, "материалистического человека" современной формации, способного активно использовать разнообразные ресурсы.

Классической работой, характеризующей современное состояние этого направления, является труд Дж. Даймонда "Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ" (1997), ставший в США национальным бестселлером 1998 года. Для него характерна общая черта многих работ по исторической глобалистике - резкая смена точки зрения на историю. Автор, специалист по эволюционной биологии птиц и опытный антрополог, много лет проживший в Океании, Индонезии, Австралии, Африке и Латинской Америке, пытается рассмотреть мировую историю с точки зрения народов, попавших в экономическую и политическую зависимость от белых, и понять, почему стальные ружья и пушки были привезены из Европы в Австралию, а не из Австралии, богатой железом, в Европу? Почему микробы азиатского и европейского происхождения уничтожили 95% населения доколумбовой Америки, а не наоборот? Почему европейский флот достиг берегов Китая, а не китайский, мощь которого к началу XV века была гораздо больше, "открыл" Европу? [Diamond, 1999].

Для этого он широко использует источниковый материал, накопленный за последние 20 лет, и все возможности сравнительно-исторического анализа и альтернативных (в том числе контрфактических) моделей исторического процесса. Даймонд сознательно ставит перед собой задачу преодоления "узкофокусированной" на Евразии (и Северной Африке) всемирной истории прошлого (Diamond, p. 11-16).

Центральным фактом истории становится не существование современной высоко-развитой цивилизации, а изобилие местных племенных языков и культур, вытесненных в процессе формирования мировых империй и цивилизаций несколькими общими языками и культурами, главным же вопросом историка - вопрос: почему именно эти, а не другие культуры получили статус всемирно-исторических?

Перемена перспективы приводит Даймонда к изменению интереса к разным периодам истории человека. Вместо письменной истории на первое место выдвигается дописьменная. Это позволяет ему широко использовать археологические источники, в частности малоизвестные данные о раскопках в Океании, и проследить периоды временного доминирования различных рас и народов в развитии мировой культуры.

Исследователь подчеркивает, что большую часть истории человечества (вплоть до 50-го тысячелетия до н.э.) безусловное первенство в развитии культуры принадлежало Восточной Африке - месту возникновения человека. Появившиеся там ожерелья намного позже отмечаются на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе и только через 10 тыс. лет - в Юго-Западной Европе. Вообще негроиды производят на автора впечатление людей, более активных и умственно, и эмоционально, чем европеиды. Затем, в процессе расселения человека по Земле культурно преобладали аборигены Австралии (кроманьонский тип), впервые 40 тыс. лет назад создавшие каменные орудия с полированным лезвием и рукояткой, а также первое средство передвижения по воде. Тогда в Европе люди современного антропологического типа и подобные орудия еще не появились. Многие регионы в разное время являлись инициаторами того или иного новшества. Так, в Японии возникло гончарное дело. Китай в историческую эпоху выступал как ведущий производитель технологий. В 1000-1450 годах глобальное значение приобрели знания и технологии мусульманских стран, распространивших свое влияние от Индии до Северной Африки. Доминирование европейцев и государств Запада - по историческим меркам кратковременное явление. Около 10 тыс. лет (8500 г. до н.э. - 1450 г. н.э.) Европа оставалась наименее развитой частью Евразии (за исключением государств античного мира). Достигнутый современным Западом прогресс в удовлетворении материальных потребностей и в увеличении продолжительности жизни оплачен значительным падением ее качества - следствием индивидуализма и отчуждения [Diamond, p. 20, 217, 333].

Но условия для прогресса были неодинаковы. Перспективы развития культуры определяют, по Даймонду, наличие одомашниваемых животных (крупных млекопитающих) и культивированных растений, устойчивость климата, возможность миграций в близкие по климату и природе регионы и близость других культурных центров, позволяющие осуществлять синтез знаний и технологий. Деграция племен австралийцев и океанийцев, отказавшихся в процессе развития от многих изобретений (лук и стрелы, гончарное дело, земледелие, животноводство, кое-где даже рыболовство), объяснялась отсутствием одомашниваемых растений и животных (выбитых в период начального этапа колонизации), неустойчивыми климатическими условиями (воздействие тихоокеанского экваториального течения Эль Ниньо), изоляцией от внешнего мира групп племен на островах или на побережье континента (в Австралии). Населению приходилось выбирать между кастрацией части мужчин (при сохранении социального мира и хозяйственного застоя) и кровопролитными войнами, ограничивавшими численность людей (при наличии земледелия и социального неравенства), - так произошло соответственно в Новой Зеландии и на островах Чатем [Diamond, p. 56-58, 213].

В свою очередь отсутствие большинства факторов возникновения массовых эпидемий: крупных стад домашних животных, совместного проживания людей с животными под одной крышей, интенсивного земледелия (расчистки лесов, сопровождаемой размножением moskitов, использования фекалий в качестве удобрений), складов продовольствия, изобилующих грызунами, загрязненных отходами городов, где скученное и нездоровое население пополнялось в основном за счет притока переселенцев из деревень - все это привело к еще меньшей приспособленности неевроазиатских народов к эпидемическим заболеваниям, таким как чума или черная оспа. Своего рода платой за "пропущенные" популяционные кризисы и катастрофы стала уязвимость этих народов перед лицом военного, экономического и колонизационного наступления европейцев.

Таким образом Даймонд преодолевает то, что он называет "асимметрией истории", и комментирует большую часть событий прошлого, которая осталась необъясненной историками. При этом он нередко выступает с позитивистских позиций, в частности провозглашая "конечными причинами" в истории естественные условия жизни и уделяя мало внимания характеру культуры (слова "ружья", "микробы" и "сталь" в названии книги как раз и обозначают "конечные причины"). С позиций ученого-естествоиспытателя он пытается давать советы историкам, не видя разницы между историей человечества как дисциплиной, с одной стороны, и такими "историческими науками", как астрономия, климатология, экология, эволюционная биология, геология, палеонтология - с другой, и явно переоценивает значение естественно-научных экспериментов в работе историка. Многие главы из его книги, как и другие подобные работы историков-любителей, основаны на заимствованных, а подчас и непроверенных материалах и идеях. Он сам не всегда замечает, что используемая им аргументация "работает" только на этнографическом материале и мало применима к истории более развитых народов. Во всяком случае его анализ истории великих цивилизаций представляется гораздо более слабым.

Наиболее интересен приводимый Даймондом перечень отказов высокоразвитых цивилизаций от своих же достижений. Самым впечатляющим из них является запрет в Китае после 1433 года дальнего мореплавания и строительства океанских судов, а также водяных машин и изготовления механических часов. Эти факты особенно красноречивы в ряду других проявлений деграции - от отказа тасманийцев от костяных орудий и рыболовства до нежелания англо-американцев ввести на пишущей машинке более удобную для использования клавиатуру, которая помогла бы снизить трудовые затраты вдвое. При этом оценка Даймондом географических факторов, являющихся по его мнению решающими, не всегда убедительна. Нередко применяемые доводы просто архаичны и восходят к историческим теориям XIX века, в частности к работам Ф. Гизо и Г. Бокля. Альтернативу функционализму он видит лишь

в изучении истории великих людей, которую справедливо считает тупиковым путем развития исторического знания [Diamond, p. 248, 258].

Идеи синергетики прослеживаются в культурном контексте работ Даймонда только подспудно. Сам ученый проявляет внимание к теории хаоса лишь постольку, поскольку сталкивается с проявлениями случайности в истории. Его позиция значительно ближе к современному эволюционизму, чем позиция Спира, хотя эти поиски интуитивны и гораздо менее методологически осмысленны, чем исследования Янча.

Надо сказать, что в отечественной философии глобалистика сильнее взаимодействует не с антропологией, а с футурологией. Ее главная цель - анализ сценариев дальнейшего развития человечества. При гораздо более осознанном, чем в большинстве западных исследований, использовании достижений синергетики (может быть, потому, что Пригожина в России считают соотечественником) основная цель этих работ - отработка сценариев будущего (от умеренно пессимистических до оптимистических). Именно здесь проходит, в частности, водораздел между исследованиями Н. Моисеева и А. Назаретяна [Моисеев, 1995; Назаретян, 1995].

2

В глобальной истории есть направление, уделяющее внимание не столько общенаучным принципам, сколько методологии общественных наук, а потому оно более интересно для нас. Речь идет о миросистемном подходе. Он стал основанием глобалистских идей в изучении истории, так как впервые благодаря ему в центре внимания историка оказались не одна страна или группа государств, а мир в целом, причем социальные процессы рассматривались в контексте этого целого. (В частности поэтому Валлерстейн считал СССР, участвовавший через систему мировых цен в эксплуатации "третьего мира", капиталистическим государством.)

90-е годы характеризовались обострением критики экономоцентристского, утилитаристского, материалистического и редукционистского метода Валлерстейна с его детерминизмом и линейностью. В 1994-1995 годах в журнале "Сравнительное изучение цивилизаций" М. Мелко, В. Рудометовф и Р. Робертсон выступили против игнорирования миросистемной теорией влияния культуры, против увязывания ее с однолинейной концепцией эволюции и приписывания ей определенных качеств обществам без учета их внутренней специфики, т.е. принадлежности либо к центру, либо к полупериферии или периферии мироэкономики [Rudometoff, Robertson, 1995]. Протесты против такого усеченного взгляда на мир, восходящего еще к функционалистской традиции, в 80-е годы высказывал В. Каволис, но теперь эти возражения оформились в систему и приобрели определенный пафос, суть которого — стремление познать историю глобализации мира из всех возможных перспектив, а не только из ныне наиболее актуальной - западной перспективы. Возникло убеждение в том, что главный изъян миросистемного подхода заложен в его нынешней форме, т.к. в этом случае западный человек не имеет возможности увидеть себя со стороны, с позиции иной культуры. На первый план теперь выходит задача изучения независимой динамики глобальной культуры (Робертсон), а применительно к истории Европы - анализ воздействия периферии на ядро миросистемы [Чешков, 1997; Forte, 1998]. Исследования по глобальной культуре становятся систематическими, увязываются с отслеживанием процессов модернизации в регионах и тенденций к национализму в локальных культурах, проектов, альтернативных глобализации [Global... 1990-1996].

Глобалистика в этом случае вступает в диалог с теорией цивилизаций и социальной антропологией, которым традиционно свойственен интерес к своеобразию высоких культур как своего рода проектов глобального жизнеустройства (об этом уже в XIX веке писали Г. Рюккерт и Н.Я. Данилевский, а в XX веке - О. Шпенглер, А. Тойнби, У. Мак Нейл, Ш. Айзенштадт и др.). В исторических теориях принципиальный поворот к изучению альтернативных взглядов на процесс глобализации был связан с влиянием постмодернизма и его предшественников (Э. Гуссерль, М. Хай-

деггер, Э.Левинас)с их традиционным интересом к позиции Иного. Об этом ярко заявлено в книге Э. Сайда "Ориентализм" [Said, 1978], сборнике "Европа и ее альтернативы" [Europe... 1985] и особенно в работе Р. Янга "Белые мифологии. Сочинение истории и Запад" [Young, 1990]. Последняя имеет ярко выраженный методологический характер и подает западную историософию в терминах Ж. Деррида именно как мифологию, приписывающую иным культурам свойства, определяемые не их собственным характером и самооценкой, а теми формами, какие принимают их отношения с западной культурой. Такую позицию Левинас называл "онтологическим империализмом"

и видел ее значение в том, чтобы растворить Иное в себе и не дать проявиться его инаковости, задевающей наше самолюбие, а порой и совесть. Левинас знал опасность такой стратегии, которая выразилась в стремлении Европы поглотить мир (политически и идейно), что и привело в конце концов к двум попыткам "самопожирания" - мировым войнам [Young, p. 14].

Нетрудно видеть, что миросистемный подход в интерпретации Валлерстейна во многом воспроизводит эти пороки западной философии истории. Поэтому против него ведется упорная борьба самими его сторонниками. Наиболее крупные труды на эту тему: книга Д. Абу-Лугход "До европейской гегемонии: миросистема в 1250-1350 гг." [Abu-Lughod, 1989], сборник "Миросистема: 500 лет из 5000" [The World... 1993] и монография виднейшего теоретика миросистемной школы А.Г. Франка "РеОриент: глобальная экономика Азиатского века" [Frank, 1998].

Исследование Франка посвящено растущей роли Востока в мире и следствию этого - все большему вниманию к его значению в мировой истории, которое сопровождается переориентацией познавательных подходов и более глубоким изучением экономических процессов, предшествовавших становлению современной западной капиталистической мирэкономике. Объединение этих тем отражено в заглавии книги и кажется программным, ибо "Азиатский век" (эпоха до 1500 года) выступает и как историческое явление, и как предмет исследования (альтернативный объектам анализа, привычным для сосредоточенных на истории Запада общественных наук), и как поле применения альтернативных методов исследования общественных процессов, и как возможный образец для будущего развития Азиатско-Тихоокеанского региона.

Эти подходы разрабатываются в последнее время как мусульманскими, китайскими, индийскими учеными, живущими в разных странах и занимающимися изучением "Азиатского века", так и западными историками. При этом по-новому освещаются проблемы раннего Нового времени и модернизации на Востоке. По мнению американских ученых Д. Линь Ифу и К. Станкела, основное препятствие китайской модернизации XIV века - это не уровень социально-экономического развития, а моральные вопросы, в частности, как сохранить социальный мир и традиции в условиях изменений? Предпосылки модернизации в сунском Китае были налицо. Уже в XI веке печатные издания классиков были доступны всем образованным людям страны. Это вело к десакрализации знания: классиков перестали заучивать наизусть. Опережающими темпами росло издание литературы по истории, философии, сельскому хозяйству, медицине и военному делу. Производство чугуна в это время базировалось на передовой технологической базе (использование кокса и непрерывная Продувка домны), которая стала известна в Англии лишь полтысячелетия спустя. Были созданы разветвленная транспортная сеть, развитая финансовая система, предприятия, насчитывавшие сотни рабочих. К XIV веку в Китае существовали все предпосылки промышленной революции, которые западные историки отмечают в Англии конца XVIII века. Это была "относительно развитая рыночная экономика", стимулировавшая получение прибыли и способствовавшая быстрому распространению передовой техники. Сельскохозяйственная революция, которая в Англии произошла в XVIII веке, в Китае свершилась на 700 лет раньше, обеспечив существование гигантских городов-миллионеров, таких как Сучжоу и Ханчжоу [Lin Yufu, 1995, p. 269. 270; Stunkel, 1990, p. 78,79].

Но при этом в обществе изобретения не воспринимались как обретение новых горизонтов, уподобляющее человека Богу. Не было ощущения перехода от тьмы к свету, которое ознаменовало европейскую эпоху Просвещения и придало сакральный смысл понятию "революция". "Спурт инноваций" эпохи Сун, с одной стороны, и спад и стагнация эпох Мин и Цин - с другой, рассматривались китайцами как части неизбежного цикла истории. В любом из ее этапов главными оставались, но их мнению, не технические новшества и предпринимательская активность, а моральные устои, воплощенные в императорской власти, целостности государства и образованном чиновничестве.

Исследования востоковедов помогли показать предысторию капиталистической мирозкономики не просто как историю мироимперии (первичных миросистем, в которых способ производства определяется политическим единством экономики), а как историю мирокультур, т.е. цивилизаций, обладающих не только определенным модернизационным потенциалом, но и своим особым отношением к модернизационным процессам, основанным на собственных культурных ценностях.

Все это существенно дополняет миросистемную теорию и позволяет выявлять даже в периферийных элементах капиталистической мирозкономики или замкнутых анклавов тенденции к самостоятельному развитию, в определенном смысле соотносимому с эволюцией центра. Отсюда проблема раннего Нового времени в Японии, где оно было ознаменовано сегунатом Токугава и закрытием страны для иностранцев. Японцы склонны даже в этой ситуации находить позитивные моменты, способствовавшие формированию предпосылок модернизации. Характерны названия сборников, посвященных этой теме: "Пересмотр перспектив всемирной истории" (1992), "(Историческое) мышление с азиатской точки зрения" (1993). Историк Х. Кавакацу характеризует этот период как время симметричного "отчаливания" Европы и Японии от евразийского материка. На противоположных концах Евразии европейцы и японцы обособились от континентальных "варваров". В результате к 1800 году Европа и Япония преодолели зависимость от ввоза товаров "с континента" (ткани, красители, сахар, керамика и т.п.), покупавшихся ранее за драгоценные металлы и сырье. В результате в одном случае родилась капиталистическая мирозэкономика, в другом - "сакоку", система самодостаточности. Историк фактически уравнивает их значение, отказывается видеть преимущества одной над другой. Надо сказать, что это довольно сбалансированная позиция, потому что его коллеги скорее склонны считать "энергию периферии" положительным фактором, источником регионального динамизма, определяющим стратегические преимущества периферии перед странами ядра миросистемы [Kawakatsu, 1993].

Взаимодействие с азиатскими версиями миросистемного подхода размывает последние варианты линейных схем в современной теории цивилизаций. Концепция формирования "центральной цивилизации" американского историка Д. Уилкинсона (она во многом воспроизводит линейные историософские схемы XIX века и сводит историю к прогрессивному поглощению периферийных цивилизаций ближневосточным, средиземноморским, западноевропейским и евроатлантическим мирами) реинтерпретирована в духе исследований исторически сменявших друг друга сетей "мировых городов", составляющих основы миросистем. Выявляются сложные многоуровневые отношения между городами как мировыми, региональными и локальными центрами [Wilkinson, 1992; Cities... 1989].

Линейная схема археолога В. Чайлда, открывшего неолитическую революцию, реинтерпретируется японским историком С. Ито как череда культурных бифуркаций, опосредовавших влияние антропной, аграрной, городской, "осевой", научной и современной (экологической) революций ("глобальных трансформаций") местными условиями и культурным опытом (прежде всего стилем культуры) различных регионов Земли. В результате линейная схема вступает во взаимодействие с теорией локальных цивилизаций, которое осуществляется в рамках идей глобалистики при явном влиянии исторической синергетики (использование понятия "бифуркация", т.е. "раздвоение",

обозначающего в теории синергетики момент максимального увеличения и одновременно преодоления хаоса, когда происходит стихийный выбор дальнейшего предсказуемого пути развития и формируется ретросказуемый образ прошлого, здесь явно неформально) [Ito, 1997].

Близкую идеям Ито концепцию "глокализации" разработали критики Валлерстейна Рудометовф и Робертсон, которые показали, что современный процесс глокализации не только порождает однообразные структуры в экономике и политике разных стран мира, но и приводит к адаптации современной западной культуры к местным особенностям и традициям, в результате чего возникает не однообразная, а гетерогенная и противоречивая картина, многообразное и разнонаправленное изменение региональных форм жизнедеятельности человека. На этой основе возможно не только преодоление местных культурных традиций, локальных особенностей, но и их возрождение, развитие, вплоть до проявлений фундаментализма, который становится особым предметом изучения как специфический феномен эпохи глокализации [Rudometoff, Robertson, 1995].

Таким образом вслед за "новым эволюционизмом" в глобальной истории появляется представление о "новом универсализме", который не предполагает полной подчиненности частного и особенного всеобщему и целому. В рамках этих представлений получает развитие идея политолога Д. Слейтера, заключающаяся в том, что глобальность по своей природе плюральна и сочетает черты системности и диссистемности (в периоды кризисов, по мере усложнения мира становящихся все более продолжительными) и неотделима от внутренней конфликтности, прежде всего на цивилизационном уровне. Преодолевая границы национальных государств, глобальное целое вместе с тем обостряет культурные, мировоззренческие противоречия в мире [Slater, 1995]. На этот же аспект глокализации указывает в своей известной книге "Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка" американский политолог С. Хантингтон, акцентирующий внимание на имперском, наступательном характере политической экспансии периферийных цивилизационных общностей, основанных на общности языка, культуры или религии [Huntington, 1996].

Надо отметить, что в России миросистемный подход, так же как теория цивилизаций, разрабатываются в основном в той мере, в какой это нужно для исторического самопознания. В центр исследования ставится история нашей страны. Поэтому не случайно, что серия интересных исследований по глобалистике, проводившихся в Институте мировой экономики и международных отношений М. Чешковым, В. Хоросом, Е. Рашковским, И. Савельевой и А. Полетаевым (см. например, [Осмысливая... 1997]), была обобщена в последнее время в работе Чешкова "Глобальный контекст постсоветской России. Очерки теории и методологии мироцелостности" [Чешков, 1999]. В этой книге весь арсенал современной глобалистики мобилизуется для анализа исторической преемственности и дискретности в истории досоветской, советской и постсоветской России, а также в увязывании их с мировым контекстом текущих преобразований в нашей стране (в связи с ее изменяющимся статусом). В то же время характерно появление работ, в которых делаются попытки синтеза цивилизационного и миросистемного подходов [Розов, 1992].

3

Упомянутое выше исследование Хантингтона находится на границе между интегрирующимся миросистемно-цивилизационным подходом и историко-политологическим анализом, представляющим собой третье направление развития глобальной истории. Современные формы изучения истории мировых империй порождены миросистемным подходом и идеей Валлерстейна о "мироимпериях". Однако надо подчеркнуть, что понятие "мироимперия" соотносится в миросистемном подходе с эпохой до 1500 года, когда начинается формирование капиталистической мирэкономки. Да и сами мироимперии исследуются прежде всего с экономической точки зрения как

проявления "азиатского способа производства". Историко-политологический анализ предполагает скорее интерес к смене констелляций политических сил в мире и, если связан с изучением экономических предпосылок возникновения новых констелляций, то преимущественно в плане влияния экономики (наряду с демографической ситуацией, структурой общества, характером власти и т.п.) на уровень военной мощи. К тому же главным объектом изучения служат империи, существовавшие в период становления капиталистической мироэкономики (т.е. начиная с 1500 года).

Классический труд по этой проблеме - это книга американского историка П. Кеннеди "Подъем и падение великих держав. Экономические изменения и военный конфликт с 1500 до 2000 года" (1988), ставшая международным бестселлером [Kennedy, 1989]. Надо подчеркнуть, что автор скорее является специалистом по истории армии и дипломатии, чем по экономике, так что заглавие не должно нас дезориентировать. Он ссылается на работы Броделя и Валлерстейна, но не использует их теоретические построения. Отмечу также, что книга Кеннеди появилась раньше большинства рассматриваемых здесь работ и поэтому надо положительно оценить интуицию автора, очень рано воспринявшего концепцию многополюсного мира и исторически развернувшего ее в своем анализе возникновения и падения империй.

В центре внимания автора - феномен двухполюсного мира, в котором соперничают две сверхдержавы (США и СССР), предпосылки и процесс его складывания и причины грядущего, предугадываемого распада. Ближайшими историческими альтернативами двухполюсному миру оказываются системы великих держав: Франция, империя Габсбургов, Пруссия, Британия и Россия в прединдустриальный период 1660-1815 годов и США, СССР, Китай, Япония, объединенная Европа в конце XX века. Более отдаленная историческая альтернатива - это многополюсный мир раннего Нового времени, в котором государства Европы и Азии (прежде всего Османская империя и Китай) более или менее на равных и с переменным успехом конкурируют между собой (как это было в XV-XVI веках). Отсюда интерес Кеннеди к неевропейским центрам политического могущества, вкус к описанию их специфики, очевидные в большинстве работ по глобальной истории [Kennedy, 1989].

Среди исследуемых Кеннеди глобальных политических феноменов - относительное равенство к 1500 году военных сил ряда европейских и азиатских держав (в т.ч. Османской империи, России, Китая, Японии, Империи великих Моголов в Индии), сложившееся в результате "революции оружейного пороха", которая позволила в короткое время создать мощные колониальные и континентальные империи ("пороховые империи"), и быстрое сокращение числа конфликтующих сторон в мировой политике на протяжении последующих веков.

В общем начальная постановка вопроса у Кеннеди довольно традиционна: почему именно европейцы получили решающее преобладание в военной силе и возможность передела мира? Традиционен и ответ, восходящий еще к работам Гизо: все дело в децентрализации и отсутствии центральной власти, способной запретить технологические новшества и изобретение новых средств вооружения. Но отвечать на этот вопрос Кеннеди начинает не с характеристики ситуации в Европе (как это делалось раньше), а в другой, более современной логике (сравнимой с логикой Даймонда) - с описания военных сил технологического авангарда той эпохи, каким были минский Китай и мусульманский мир. Его интересуют не только завоевания европейцев в Аравии, Индии и Малайзии в XVI веке, но и военное наступление турок на Средиземноморье и Австрию, которое было политически гораздо более актуально для Европы того времени. В результате сложился более сбалансированный по сравнению с господствующим подход к истории политических взаимоотношений стран Европы и Азии вплоть до XVIII века [Kennedy, p. 5,9, 32].

В Европе XVI - первой половины XVII века Кеннеди интересуют не столько страны ядра европейской мироэкономики, сколько политически гораздо более активная империя Габсбургов, протянувшаяся от Гибралтара до Венгрии и от Северных Нидерландов до Сицилии и ведшая целую серию войн, имевших не экономическую,

а полуфеодалную, религиозно-политическую и генеалогическую подоплеку и рассматривавшихся большей частью как оборонительные. Это была борьба с европейским и значительной частью неевропейского мира, в которой Габсбургам противостояли Англия, Франция, немецкие протестанты, восставшие Нидерланды, Османская империя, индейцы Южной и Северной Америк. По накалу страстей и используемым военным средствам эта эпоха уподобляется автором времени "тотальных" Первой и Второй мировых войн XX века. В ходе XVII века была сломана старая структура европейских политических отношений и родилась система национальных государств, основным предназначением которых стала концентрация средств страны для нужд войны.

Характерно, что автора меньше интересует период 1660-1885 годов, когда политические отношения сосредоточивались собственно в Европе (единственный неевропейский конкурент - Османская империя - оказалась надломленной в борьбе с Россией, Австрией и своими внутренними проблемами), а весь остальной мир переживал закат. Его главная причина - спад в 1750-1900 годах в 7 раз производства в странах "третьего мира" (в Китае в 5 раз, в Индии в 14 раз) на фоне роста производства в Европе почти в 3 раза. Наибольшее внимание Кеннеди в этот период привлекает возникновение геополитики как своего рода способа "примеривания" потенциальных констелляций центров власти в мире к национальным интересам того или иного государства [Kennedy, p. 44,91,92,111,190].

В борьбе сверхдержав Кеннеди интересен прежде всего факт перенапряжения советской экономики, поставленной на службу армии (большой процент военного производства имела только довоенная Япония), вынужденной "сбросить" сельскохозяйственное производство и из-за репрессий испытывавшей острую нужду в инженерно-хозяйственных кадрах. При этом американская экономическая система долгое время плохо использовалась для наращивания вооружений. Священный ужас перед кажущимися неограниченными возможностями командной экономики в деле военного строительства заставил историка, одинаково скептически относившегося к перспективам обеих империй, нарисовать более оптимистичную картину будущего СССР, чем это оказалось на самом деле.

Книга Кеннеди отразила существенные особенности нового глобалистского подхода, политические предпосылки которого были созданы кризисом, а потом и развалом двухполюсного мира. Это гораздо более широкий взгляд на вещи, возможность смены перспектив исторического исследования. Это и сильно возросшая объективность анализа, и резко критический взгляд на положение собственной страны, ее экономики и культуры. Наконец, это прагматический подход к историческому материалу, совсем утраченный микроисториками. Глобалисты ищут в истории дополнительные ресурсы. Так Кеннеди треть своего труда посвятил перспективам эволюции системы будущих центров политического могущества в мире в XXI веке. В сущности, эта книга - геополитическое исследование, чем оправдывается серьезное отношение к Китаю и Японии как главным мировым державам XXI века [Kennedy, p. 646,647,664,698].

Подобно этому сторонники миросистемного подхода ищут в истории геоэкономические (а с недавних пор и геокультурные) ресурсы, а сторонники современного эволюционизма - ресурсы экологические (и социально-экологические). Все это принципиально отличает глобальную историю от остальных направлений современной исторической науки и придает ей отчасти маргинальный характер, ибо возвращает историков из сферы чисто гуманитарного (идентификационного, экзистенциального, личностно-значимого) знания в сферу социальных наук.

У Кеннеди оказалось немало последователей. Из наиболее интересных надо отметить Дж. Паркера, который продолжил изучение военного баланса, сложившегося в мире между странами Запада и Востока в 1500-1750 годах [Parker, 1991]. Политолог Э. Уотсон в книге "Эволюция мирового сообщества" [Watson, 1992] проследил смену циклов столкновений империй и борьбы мелких стран на пути к становлению международного сообщества государств.

Особенно интересно соединение естественно-исторического и политологического подходов: естественные и природные факторы (миграции людей, животных и растений, микроорганизмов) рассматриваются в качестве инструментов влияния на геополитическую обстановку. Классик этого направления А. Кросби с его книгой "Экологический империализм" [Crosby, 1986]. Впоследствии были подробно изучены такие темы, как влияние эпидемий на завоевание испанцами империй ацтеков и инков, роль лошадей и "конной аристократии" в складывании государств Сахеля, поставлено множество новых вопросов [Webb, 1995]. В работах Д.Р. Мак Нейла прямо заявлено о геополитическом значении разнообразных форм воздействия на природную среду [McNeill, 1999].

В отечественной науке историко-политологические исследования глобалистского типа, как и миросистемный подход, связаны прежде всего с историей России как мировой империи, с анализом ее положения за пределами ближайшей европейской периферии (государств-лимитрофов), с ее ролью противостоителя по отношению к центру мировой цивилизации, с ее попытками политически доминировать в Европе, сменяющимися откатами на Восток и временной политической изоляцией, с либеральными реформами и усилением активности в Азии. Масштабы нашей страны сами по себе придают таким исследованиям В. Цымбурского, В. Пантина и В. Лапкина, И. Яковенко, А. Фурсова глобалистский характер и заставляют вовлекать в анализ материалы по политической и экономической истории самых разных регионов, от Западной Европы до Северной Америки (см., напр. [Цымбурский, 1997, 1998; Яковенко, 1998; Фурсов, 1997]).

4

Таким образом глобальная история развивается в настоящее время в нескольких направлениях и все более противопоставляет позиции всеобщей истории (европоцентрической, линейной, детерминистской по своему происхождению) свою модель истории полицентрического мира, развивающегося через экологические, культурные, политические кризисы с принципиально непредсказуемым исходом. Эти различия не всегда осознаются учеными, что еще раз показали итоги XIX Международного конгресса историков в Осло в августе 2000 года. В толще общеупотребительного понятия "мировая история" (*world history*) прошла невидимая трещина, которую необходимо обнажить и исследовать. Иначе в работах по конкретным темам противостоящие друг другу логики будут неминуемо сталкиваться. Идея глобальной истории не только дает дорогу в современную историографию большому нарративу, но и традиционные (эволюционистские, модернизационные, формационные, цивилизационные) формы исторического нарратива атакует, деформирует и преобразует. В данной статье можно обозначить лишь некоторые причины этого.

В предмете и методе, применяемых при анализе глобальных исторических процессов, в структуре полученного знания находят свое воплощение как накопленный социальный, так и научный опыт исследователей. Для многих из них новая тематика (политическая, экономическая, техническая, биологическая глобализация), изучаемая этим направлением историографии, только внешне отличается от традиционной истории. Но необходимо отметить, что всеобщая (универсальная) и глобальная история - наследницы совершенно разных духовных традиций.

Всеобщая история родилась в процессе секуляризации священной истории и главным ее вопросом был вопрос о смысле исторического процесса, о сущности сил, которые его направляют. Образ истории интегрировал не подвергавшийся обсуждению либеральный, национальный или социальный проект, обозначавший цель исторического движения и соотносившийся с метасоциальными, философскими или идеологическими принципами. Это позволило построить единую удобопонятную схему развития мировой истории, в центре которой стояла бы деятельность человеческого разума в государстве, обществе и экономике; множество национальных сообществ людей

могло быть выстроено в иерархию по степени прогрессивности и близости к идеалу наиболее полного воплощения творческой силы разума и эффективности продуктивной деятельности.

Историческая глобалистика родилась в условиях кризиса и последующего краха структурализма в среде, где были разрушены представления о сущности, едином историческом процессе и обществе, которое формирует потребности индивида и диктует ему свою ценности. Она складывалась в условиях господства культурно-исторического подхода и исторического релятивизма, поставивших под сомнение возможность применения в процессе исторического анализа сквозных философских понятий (см. подробнее [Репина. 1998], особенно гл. 1 и 5).

Это позволило глобальной истории сохранить пафос самоопределения и независимости от теоретических наук, который характерен для современной историографии. Хотя она несвободна от философско-исторических и историко-социологических схем, их функция в ее содержании значительно отличается от ситуации во всеобщей истории. Дело в том, что она формировалась в период упадка реалистического знания о сущностях и законах. Поэтому номотетические науки представлены в ней своими отдельными элементами, а значение их центральных понятий сильно ограничено.

В социологии переход к миросистемному подходу был увязан Валлерстейном с отказом от понятия "общество" как выражения некоей сущности [Wallerstein, 1974, p. 2]. Несколько позже в том же контексте за "онтологическую пустоту" подверглось атаке понятие "культура" [Турен, 1998, с. 70]. Природа интересует глобалистов не сама по себе, как субстрат-носитель "законов природы", а как экологическая среда общественной жизни. Во всех этих явлениях выделена динамическая составляющая - многообразие и смена социальных ролей, стирание культурных границ, экологические кризисы и т.п.

Историческая глобалистика стоит на источниковом фундаменте, составленном из наработок микроистории и "неподвижной истории". Она продолжает критику веберовской социологии истории, характерную для "новой исторической науки". В определенном смысле она реализует провозглашенную Ж. Ревелем перспективу постановки микроисторических проблем на макроисторическом уровне [Ревель, 1996, с. 258]. Глобальность в этих условиях не идеал или цель истории (глобальный проект как метасоциальный принцип), а загадка, жизненная проблема, разные стороны которой нужно осознать. Глобальный социальный проект (на исчезновение и зияющее отсутствие которого историки в 70-е годы ответили уходом в микроисторию) в качестве силы, интегрирующей историческое знание, оказался заменен спонтанно глобализирующейся социальной реальностью, требующей исторической интерпретации.

В результате образовалась чисто номиналистическая и прагматически ориентированная теория, избегающая общих суждений. В ней нет места для представлений о сущности или разумности исторического процесса для любых иерархий человеческих сообществ. Большой ошибкой было бы сводить глобальное видение истории к воспеванию западных идеалов. Глобальная история описывает сеть отношений, при которых воздействие периферии на центр не менее важно, чем давление центра на периферию. Интеграция в рамках процесса глобализации ничем не лучше и не прогрессивнее диверсификации, что легализует совершенно разные сценарии развития (и застоя). Превращение Океании в рекреационную зону мирового масштаба в этом контексте не лучше и не хуже ее индустриализации.

Область проявления всеобщего в мировой истории обозначена как область глобальных, межрегиональных и межконтинентальных естественно-исторических процессов, связанных главным образом с независимыми от сознания людей биологическими, экономическими и геополитическими предпосылками человеческой деятельности.

Культура в рамках этих взглядов не система, а совокупность инструментов, которые попадают человеку в руки в процессе его деятельности. В терминах социолога

Турена она осознается как "историчность", способ производства социальной реальности [Турен, с. 70]. Культура - скорее сфера бифуркаций, чем тенденций, и в еще меньшей степени - сфера целей и идеалов. Язык культуры осознается современником или историком в первую очередь как инструмент описания исторической ситуации. Он принципиально полилогичен и подразумевает наличие множества образов, которые размещаются в сетевом пространстве, созданном взаимодействием существующих в мире сил. После глобальных процессов исламизации (прежде всего черного населения США), распространения буддизма и афрохристианства в среде европейских интеллектуалов, наступления магии в современной массовой культуре, культурное оформление процесса глобализации представляется настолько неопределенным, что по отношению к нему часто применяется фигура умолчания. Соотношение рациональности и иррациональности в любом случае не является сущностной характеристикой культуры.

Глобальная история - поле проявления прежде всего не разума, а силы. В отличие от теорий прошлого эта сила может быть совсем не связана с разумом и представлениями о порядке. Напротив, подлинные изменения обуславливаются хаотизацией и провалом в кризис. (Относительная ценность прогресса сохраняется лишь в паре с абсолютной ценностью катастроф.) Такими силами могут выступать неконтролируемые человеком и смертельно опасные для него микробы и вирусы, столь же неконтролируемые и опасные в условиях борьбы за власть новинки и изобретения (порох, ядерное оружие и др.), малозаметные на первый взгляд экономические и демографические факторы, способные, однако, разрушать политические системы и культуры (напр., изменение положения общества в системе мирового рынка, дисбаланс между рождаемостью и смертностью, массовые миграции).

Они составляют основу сети или поля взаимовлияний, своего рода "волновых процессов", которые и создают глобальность. На смену линейной и многолинейной концепциям всеобщей истории, ризомным моделям постмодернизма приходит "трехмерная", многоуровневая модель глобальной истории, в которой учитывается разнообразие вещно-энергетических, ролевых, знаково-символических агентов исторических изменений и, главное, взаимность любых воздействий и представление о мироцелостности как о поле действия исторических сил.

Характерная черта этих сил - они или последствия их воздействия статистически измеряемы. В их исследование вводятся естественно-научные понятия, методы анализа и логика.

Мировые цивилизации встроены в эту систему как особые, независимые от человека культурно-исторические силы, естественные сообщества людей. Историков-глобалистов интересует прежде всего процессы столкновения их с другими цивилизациями на мировом политическом поле, приспособления к изменившемуся положению в системе мирового рынка, взаимодействия с другими культурами и происходящие при этом бифуркации. Цели цивилизаций при этом выступают не более чем аттракторы - виртуальные перспективы, способные породить новый образ реальности, координаты будущей деятельности на выходе из точки бифуркации. Рост цивилизационного самосознания рассматривается в основном как одна из издержек процесса глобализации.

В целом для глобалистов, как отмечал Чешков, свойствен недоучет влияния ценностей классических цивилизаций. Правда, при этом он сам пишет, что утеря самостоятельности социального начала в глобальных процессах ведет к утрате адекватности понятия "цивилизация" и возрождения интереса к множеству локальных и групповых культур [Чешков, 1998^{а,б}, с. 134, 137]. Но если учитывать, что в современном научном языке локальными цивилизациями именуется культуры, способные выдвигать глобальные проекты жизнеустройства, характеризующие их потенциальную силу воздействия на мир, можно полагать, что у теории цивилизаций, хотя и порожденной в совершенно иной познавательной ситуации, остается шанс на интеграцию с глобальной историей. Ведь в центре внимания современной исторической социологии - проект и конфликт. К тому же цивилизационные проекты только раз-

рабатываются интеллектуалами как системы, а усваиваются людьми обычно в форме разрозненных или слабо скоординированных элементов (религий и идеологий, стандартов жизни, характерных для данного социального слоя).

Ценностная трактовка понятия "цивилизация" устраняется не только представлением о многолинейности развития человечества, но и постулатом равноценности альтернативных путей развития общества. Этот постулат не прокламируется, а лишь подразумевается. Его основа - в учете возможности как динамического развития человечества в будущем, так и ограничения популяции с целью стабилизации существующего положения. Из этой перспективы эгалитарные первобытные общества (более молодые, чем многие из известных цивилизаций, они возникли 1-2 тыс. лет назад под воздействием экспансии банту в Африке и полинезийцев в Новой Зеландии) могут выглядеть столь же привлекательно, как и западные. Всеобщая история - это своего рода историческая "Доска почета", глобальная же история - это вместе с тем и историческая "Красная книга". В современной культуре возможен легитимный выбор маргинальности как ценности. Ведь глобальное мышление - не пропаганда наличных форм западной экспансии, а только попытка взглянуть на историю изнутри складывающейся сегодня ситуации, предоставляющей народам очень разнообразные возможности.

Так историческая глобалистика с новой стороны открывает проблему зависимого культурного развития. Она указывает на ограниченность как "западнического" евроцентризма, так и "почвеннических" попыток примерить на себя корону "глобализатора", очень распространенных сейчас в России, Индии и исламских странах. Ведь глобализация - не векторное, а сетевое отношение. Это дискретный, но очень древний и лишь ускоряющийся в настоящее время процесс и, как называл его Робертсон, "условие существования человечества" (цит. по: [Чешков, 1998^{a,6}, с. 132]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гладкий Ю.* Глобалистика: трудный путь становления // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 10.
- Моисеев Н.Н.* Современный рационализм. М., 1995.
- Назаретян А.П.* Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика социального процесса). Курс лекций. М., 1995.
- Осмысливая мировой капитализм // И. Валлерстайн и миросистемный подход в современной западной литературе. М., 1997.
- Ревель Ж.* Микроанализ и конструирование социального // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.
- Репина Л.П.* "Новая историческая наука" и социальная история. М., 1998.
- Розов Н.С.* Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992.
- Ле Руа Ладюри Э.* Застывшая история. // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2.
- Спир Ф.* Структура Большой истории. От Большого взрыва до современности // Общественные науки и современность. 1999. № 5.
- Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.
- Фурсои А.* Срединность срединной Азии. Об историческом месте Центральной Азии в региональной системе мира // Рубежи. 1997. № 2.
- Хакен Г.* Синергетика. М., 1980.
- Цымбурский В.Л.* "Европа-Россия": "третья осень" системы цивилизаций // Полис. 1997. № 2.
- Цымбурский В.Л.* Как живут и умирают международные конфликтные системы // Судьба балтийско-черноморской системы в XVI-XX вв. // Полис. 1998. № 4.
- Чешков М.А.* Концепция Валлерстайна и его критики // Осмысливая мировой капитализм (И. Валлерстайн и миросистемный подход в современной западной литературе). М., 1997.
- Чешков М.А.* Глобальное видение и Новая наука. М., 1998.
- Чешков М.А.* Глобалистика: предмет, проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 1998. № 2.

Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России. Очерки теории и методологии мироцелостности. М., 1999.

Яковенко И.Г. От Тильзитского мира до пакта Молотова-Риббентрона (Большой модернизационный цикл отечественной истории) // Общественные науки и современность. 1998. №3.4.

Янн Э. Самоорганизующаяся Вселенная. Введение и обзор: рождение парадигмы из метафлуктуации // Общественные науки и современность. 1999. № 1.

Abu-Lughod J. Before European Hegemony: The World-System AD 1250-1359. New York-Oxford, 1989.

Cities in a Global Society (Ed. by *R.V. Knight, G. Gappert*). New York, 1989.

Crosby A. The Columbian Exchange. Biological Consequences of 1492. Westport, 1972.

Crosby A. Ecological Imperialism. The Biological Expansion of Europe. 900-1900. Cambridge, 1986.

Diamond J. Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies. New York-London, 1999.

Europe and Its Others. Vol. 1,2. Colchester, 1985.

Forte M.C. Globalization and World-System Analysis. Toward New Paradigms of a Geo-Historical Social Anthropology (A Research Review) // Review Fernand Braudel Center. 1998. Vol. XXI. № 1.

Frank A.G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley-Los Angeles, 1998.

Global Culture. Nationalism, Globalization and Modernity. London-New Delhi, 1990-1996.

Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, 1996.

Ito S. A Framework for Comparative Study of Civilizations // Comparative Civilizations Review. Spring 1997. №36.

Jantsch E. The Self-Organizing Universe. Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution. New York, 1980.

Kawakatsu H. Datsua' katei to shite no Nichi-o no kinsei // Rekishi Hyoron. March 1993. № 515.

Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. London, 1989.

Lin Yufu J. The Needham Puzzle: Why the Industrial Revolution did not Originate in China // Economic Development and Cultural Change. Chicago, 1995. Vol. 43. № 2.

McNeill J.R. Ecology, Epidemics and Empires: Environmental Change and Geopolitics of Tropical Africa. 1660-1825 // Environment and History. 1999. № 5.

Parker G. Europe and the Wider World, 1500-1750: The Military Balance // The Political Economy of Merchant Empires: State Power and World Trade, 1350-1750. Cambridge, 1991.

Rudometoff V., Robertson R. Globalization, World-System Theory and the Comparative Study of Civilizations // Civilizations and World System. Studying World-Historical Change. Walnut Creek, 1995.

Snooks G.D. The Dynamic Society. Exploring the Resources of Global Change. London-New York, 1996.

Said E. Orientalism. London, 1978.

Slater D. Challenging Western Visions of Global: The Geopolitics of Theory and North-South Relations // The European Journal of Development Research. 1995. Vol. 7. № 2.

Spier F. The Structure of Big History: From the Big Bang until Today. Amsterdam, 1996.

Stunkel K.R. Technology and Values in Traditional China and the West // Comparative Civilizations Review. 1990. №23.

Wallerstein I. The Politics of the World-Economy. Cambridge, 1974.

Watson A. The Evolution of International Society. London, 1992.

Webb J. Desert Frontier. Madison, 1995.

Wilkinson D. Cities, Civilizations and Oikumenos // Comparative Civilizations Review. № 28 (Fall 1992), №29 (Spring 1993).

The World System: Five Hundred Years of Five Thousand (Ed. by *A.G. Frank, B.K. Gills*). London-New York, 1993.

Young R. White Mythologies. Writing History and the West. London-New York, 1990.